

**ТРАДИЦИИ
АНТИЧНОГО ОЛИМПИЗМА
В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ:
(ОТ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ)**

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ГВОЗДЕВОЙ Т.Б.

Москва
Литературный институт
имени А. М. Горького
2015

УДК 82.0
ББК 83.3
Т65

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО РЕШЕНИЮ УЧЕНОГО СОВЕТА
ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА имени А. М. ГОРЬКОГО

Рецензенты:

Д. филол. н., проф., зав. кафедрой зарубежной литературы Литературного ин-та им. А.М. Горького
Тарасов Б.Н.

Д. искусствоведения, проф., зав. кафедрой всеобщей истории искусств исторического ф-та Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
Тучков И.И.

Сборник посвящен XXII Зимним Олимпийским играм в Сочи и содержит статьи о роли Олимпийских игр в общественной и культурной жизни Древней Греции и влиянии идей олимпизма на мировую культуру и искусство.

© Авторы статей соответственно, 2015
© Литературный институт
имени А.М. Горького, 2015

ISBN 978-5-7060-0151-3

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (<i>Гвоздева Т.Б.</i>)	5
<i>Логинов А.В.</i> Текстологические проблемы исследования гомеровских поэм и интерпретация некоторых мест в сцене с играми в честь Патрокла из «Илиады»	8
<i>Герасимова Л.Ю.</i> Топография Олимпии в текстах Пиндара	26
<i>Гвоздева Т.Б.</i> Греческий спорт в «Картинах» Филостратов	38
<i>Налимова Н.А.</i> Агональные мотивы в греческих архитектурных рельефах со сценами сражений	66
<i>Печатнова Л.Г.</i> Агон в Спарте как образ жизни и смерти	85
<i>Новиков С.В.</i> «Всевидящий, всеильный из богов». Поэтические агоны на Востоке в селевкидо-парфянское время	101
<i>Акимова Е.А., Молева Н.В.</i> Физическая культура и спортивные состязания в Боспорском государстве	116
<i>Гвоздева И.А., Никишин В.О.</i> Место греческой атлетики в римском культурном пространстве	131
<i>Хапаев В.В.</i> Физическое воспитание в Византийской империи IX—XII вв.	149
<i>Харитонова Н.Ю.</i> Спорт и испанская литература десятих-двадцатых годов XX века: между модерном и авангардом	165
<i>Голубцова А.В.</i> Философия игры Эдоардо Сангвинети	180
<i>Елисеева А.В.</i> Союз Агона и Эроса в кинотекстах конца XX — начала XXI века	199
<i>Хорошева А.В.</i> Олимпийская идея Пьера де Кубертена в «Оде к спорту» и образ Всесоюзной Спартакиады 1928 г. в советских стихотворениях: общее и частное	218
<i>Ратникова Е.Н.</i> «Воспитание человека облагороженного образа» в философской системе Даниила Андреева	239

происходящее: на кулачный бой, на попираия ногами, на пощёчины и на другие буйства, обезображивающие лицо человека, сотворённого по образу Божьему. Ты не одобришь безумных состязаний в беге, прыжках, метании диска и копий, упражнений для непомерного развития тела, нарушающего пропорции, установленные Богом; тебе не понравятся атлеты, раскормленные по правилам праздной греческой науки³⁵. Вообще, борьба — изобретение сатаны: он начал её с тех пор, как искусством своим повергнул наших прародителей. Движения борцов — не что иное, как увёртки, похожие на извивы адской змеи. Они цепляются, чтоб остановить противника, нагибаются, чтоб обхватить его, скользят, чтоб от него увернуться. От венков и наград никакой пользы; так стоит ли искать удовольствия от награды?» (ibid. 18). Впрочем, так считали не все христианские авторы; например, Климент Александрийский полагал вполне допустимым и даже полезным для христиан — как для юношей, так и для зрелых мужей — посещать гимназии и заниматься атлетикой, развивая в себе агональный дух (Clem. Alex. Paed. III. 10).

Таким образом, по словам А.-И. Марру, «никто не может отрицать, что физическое воспитание умерло в эпоху христианства, но скончалось оно естественной смертью и не сопровождалось сокрушительными переменами (история сообщила бы об этом). Жизнь медленно, но неумолимо покидала состарившееся тело древнего организма»³⁶. Античная традиция спортивных состязаний, пронизанная агональным началом, не пережила греко-римской цивилизации, на смену которой пришло варварство «тёмных веков».

³⁵ О том же пишут Филострат (Philostr. Gymn. 44) и Гален (Galen. Exhort. 9—14).

³⁶ Марру А.-И. Указ. соч. С. 186.

В.В. ХАПАЕВ

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ IX—XII ВВ.

Тема физического воспитания подрастающего поколения и развития спорта в Византийской империи исследована недостаточно, особенно — в отечественной историографии. Среди зарубежных публикаций на эту тему отмечу обстоятельную статью канадской исследовательницы Барбары Шродт, написанную, впрочем, более 30 лет назад¹.

В отечественной историографии отдельные аспекты изучаемой нами темы отражены в работе В.В. Кучмы «Физиологические нормы и санитарно-гигиенические правила несения службы в Вооруженных силах Византийской империи»². Источниковой базой статьи послужили в основном ранневизантийские, а также древнегреческие и древнеримские полемологические трактаты: Энея Тактика (IV в. до н.э.), Онасандра (I в. н.э.), Вегеция Флавия (рубежа IV—V вв.), «О стратегии» Византийского Анонима (VI в.) и «Стратегикон» Маврикия (рубежа VI—VII вв.)³. Источникам IX—X вв. («Тактике» Льва VI, трактатам «О боевом сопровождении» и «Об устройстве лагеря») исследователь уделил значительно меньше внимания, полагая, что в вопросе о гигиене и физическом развитии воинов авторы периода Македонской династии выступали лишь как компиляторы сочинений предшественников⁴. Весьма интересна для нашего исследования небольшая статья

¹ Schrodts B. Sports in the Byzantine Empire // Journal of Sport History. 1981. Vol. 8. No. 3. P. 40—59.

² Кучма В.В. Физиологические нормы и санитарно-гигиенические правила несения службы в вооруженных силах Византийской империи // СТРАТНГОС. Сборник статей в честь Владимира Васильевича Кучмы / отв. ред. Н.Д. Барабанов, С.Н. Малахов. Армавир, 2008. С. 30—61.

³ Там же. С. 30—53.

⁴ Там же. С. 53—61.

С.Г. Кашляк «Воинские искусства Византийской империи», правда, лишь косвенно касающаяся спорта как такового⁵.

За исключением вышеназванных статей, изучение спортивной темы в византистике осуществляется достаточно односторонне: следуя за наиболее доступными нарративными источниками, исследователи, как правило, обращают внимание лишь на историю константинопольского ипподрома и, соответственно, конных ристаний. Помимо статьи Б. Шродт⁶, отмечу подробный рассказ Шарля Дилья⁷ об ипподроме и происходивших на нем событиях времени правления Юстиниана I. Отечественные историки начала XX в. (Ф.И. Успенский⁸ и А.А. Васильев⁹) и их советские преемники (Г.Л. Кубатов¹⁰ и А.А. Чекалова¹¹) основное внимание уделяли инженерно-архитектурному устройству и политическому значению ипподрома и цирковых партий, а не спортивной составляющей этого историко-культурного феномена. Причем, вышеупомянутых авторов, в основном, интересует ипподром V—VI вв., т.к. именно об этом периоде существования главной арены империи сохранилась подробная и обширная источниковая база, в первую очередь, в трудах Прокопия Кесарийского «Война с персами» и «Тайная история» (Procopius *in* Caesarea. ВР. I. 24. 31, 48, 52; Н.а. VII. 13; VIII. 2; IX. 2, 6; XXVI. 8). Помимо константинопольского, Прокопий упоминает ипподромы в других городах — римский Circus Maximus (прообраз константинопольской арены) (Ibid. В.Р. II. 12. 12, 19) и ипподром Апамеи (Ibid. В.Р. II. 11. 31). Сведения

⁵ Кашляк С.Г. Воинские искусства Византийской империи [Электронный ресурс] // Publishing house Education and Science s.r.o. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/15_DNI_2008/Istoria/32972.doc.htm (проверено 28.10.2013).

⁶ Schrodts B. Ibid. P. 41—52.

⁷ Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. СПб.: Тип. Альтшулера, 1908. С. 448—475.

⁸ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. V. М.: Астрель, 2005. С. 226—227.

⁹ Васильев А.А. Византийская империя до крестовых походов. М.: Алгоритм, 2012. С. 172—174.

¹⁰ Кубатов Г.Л. Социально-политический строй и административная организация империи в IV—V вв. // История Византии. Т. I. М.: Наука, 1967. С. 134—136.

¹¹ Чекалова А.А. Быт и нравы византийского общества // Культура Византии IV — пер. пол. VII в. М.: Наука, 1984. С. 664—667.

позднейших авторов об ипподроме отрывочны и, опять-таки, касаются в основном политических событий, происходивших на его трибунах, кафисме (императорской ложе) или беговых дорожках. Таковы, например, сообщения Феофана Исповедника¹² и Продолжателя Феофана (Пр. Феоф. II. 1; III. 27; IV. 7, 19, 30; V. 62; VI. 19; Александр. 4; Константин VII. 34, 47; Роман I. 47; Константин VII самодерж. 29; Роман II. 5)¹³.

Еще одной темой, затрагиваемой в историографии, является закрытие Олимпийских игр и других языческих агонов, хотя о времени и обстоятельствах этих запретов существуют разногласия, т.к. в эдикте Феодосия I от 391 г., запрещавшем любые проявления языческого культа, Олимпийские игры и другие спортивные соревнования специально не упоминаются (Cod. Theod. XVI. 10, 12)¹⁴.

Таким образом, внимание исследователей сосредоточено на развитии (точнее, угасании) спорта в ранней Византии. Состояние этого вопроса в более позднее время остается за рамками научного интереса. Между тем, для самой империи вопрос о физическом здоровье и, соответственно, боеготовности ее граждан, становится особенно актуальным в средневизантийский период, с формированием фемного строя, когда большинство населения империи превращается не только в налогоплательщиков, но и в призывной контингент. Пика своего военного и политического могущества, после двух столетий оборонительных войн и тер-

¹² Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М.: Унив. тип., 1884. С. 57, 99, 101, 168, 173—174, 177—179, 181, 186, 189, 191, 199, 223, 238, 298, 315, 320—323, 329—330, 333—335, 328, 362—363.

¹³ Сокращения имен византийских историков даны по «Системе принятых сокращений византийских источников» М.В. Бибикова (Бибикова М.В. Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб.: Алетейя, 2001. С. 297—312). Новейшее издание перевода труда Продолжателя Феофана см.: Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / пер. Я.Н. Любарского. СПб.: Наука, 1992. 348 с.

¹⁴ О запрете Олимпийских игр см.: Гвоздева Т.Б., Зверев Я.И. Хронология Олимпийских игр (античных и современных) // Олимпийские игры: история и современность: сборник статей участников ежегодной межвузовской научной конференции «Восток и Запад: приоритеты эпох». М.: РУДН, 2012. С. 251; Schrodts B. Ibid. P. 54—57 (там же — анализ зарубежной историографии вопроса).

риториальных потерь, Византия достигает в IX—X вв. В отличие от VII—VIII вв., эта эпоха относительно неплохо обеспечена различными видами письменных источников, что позволяет нам предпринять опыт реконструкции организации физической подготовки и спортивных увлечений византийцев феодального периода: как простых стратиотов, так и верхушки общества (столичной и провинциальной знати).

Одним из таких источников является обширная полемологическая литература IX—X вв., в которой вопросы физической подготовки и тренировки воинов-стратиотов изложены в императивном ключе (т.е. обязательном к исполнению). Особенно информативна в этом плане «Тактика» Льва VI (Leonis imperatoris Tactica, далее — Leon. Tact.)¹⁵ рубежа IX—X вв., Уставление VII которой полностью посвящено тренировке кавалеристов и пехотинцев. Интересные для настоящего исследования указания содержатся также в Уставлении II «Каким следует быть стратигу» и XX «О различных основополагающих назиданиях». Важные наставления по физической и боевой подготовке присутствуют также в анонимном трактате «Об устройстве лагеря» (De Castrametatione, далее — De Castr.)¹⁶ конца X в. и трактате середины — второй половины X столетия «Как выдерживать осаду» (De Obsidione Toleranda, далее — De Obsid.)¹⁷. Идеальный образ воина-пограничника

¹⁵ Новейший перевод «Тактики» на русский язык см.: Тактика Льва / подг. изд. В.В. Кучмы; отв. ред. Н.Д. Барабанов. СПб.: Алетейя, 2012. 368 с.

¹⁶ Новейший перевод трактата «Об устройстве лагеря» см.: Об устройстве лагеря // Два византийских военных трактата конца X века / [подг. изд. В.В. Кучма]. СПб.: Алетейя, 2002. С. 231—390.

¹⁷ Греческий текст и английский перевод трактата «Как выдерживать осаду» см.: Sullivan D.F. A Byzantine instructional manual on siege defense: The De Obsidione Toleranda. Introduction, English translation and annotations // Byzantine authors: literary activities and preoccupations. Texts and Translations dedicated to the Memory of Nicolas Oikonomides [ed. by J.W. Nesbitt]. London-Boston: Brill, 2003. P. 139—266. Перевод трактата на русский язык см.: Ханаев В.В. Византийские воинские трактаты X века об обороне городов: предисловие, перевод, комментарии // Причерноморье. История, политика, культура. — Выпуск XI (IV). — Серия А. Античность и средневековье. [Избранные материалы X Международной научной конференции «Лазаревские чтения»] / Под общей редакцией В.И. Кузнецова. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2013. С. 146—185. Режим доступа: <http://msu-sevastopol.net/pdf/prich/prich-a-2013.pdf>

(акрита), его происхождения и воспитания (в том числе физического) отображен в византийской эпической поэме X в. «Дигенис Акрит» (Далее — Диг. Акр.)¹⁸.

Спортивные увлечения верхушки византийского общества отражены в исторической традиции: в «Хронике» Продолжателя Феофана (далее Пр. Феоф.), «Сокращенной истории» Иоанна Киннама (далее — Кинн.), «Алексиаде» Анны Комниной (далее — Анна)¹⁹. В сочинениях византийских историков также можно подчерпнуть физические характеристики видных деятелей византийской истории и отношение автора к ним.

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИДЕАЛ АТЛЕТА И ВОИНА

Несмотря на то, что античное понятие «калокагатия» вместе с палестрами и гимнасиями давно кануло в Лету, различные византийские письменные источники дают своим героям характеристики в полном соответствии с античным идеалом. Приведу несколько примеров.

Отца Дигениса Акрита (арабского эмира, принявшего христианство и женившегося на дочери византийского стратига из рода Дук) поэма характеризует так: «...взгляд живой и радостный, наполненный любовью / Светился на лице его, с цветущей розой схожем. / Соперничал сложеньем он со стройным кипарисом, / И если видел кто его — уподоблял картине. / Еще был наделен эмир неодолимой силой» (Диг. Акр. I. 35—39). Брату нареченной эмира (юному стратигу Константину из рода Дук) автор поэмы, причем, устами восхищенного «сарацина», дает следующую характеристику: «Гляди, с каким искусством он прищипоривает лошадь, / Как обращается с мечом и как копьём играет, / А всё это — свидетельство уменья и отваги...» (Диг. Акр. I. 157—159).

Именно о таких качествах своего будущего сына Василия Дигениса Акрита мечтает его отец: «Дарует ли Всевышний мне, о мальчик мой сладчайший, / Увидеть, как на скакуне искусно ты гарцуешь? И научу ль тебя владеть копьём, двоерожденный, / Чтобы сородичи тобой гордились по заслугам?» (Диг. Акр. II. 289—292).

¹⁸ Дигенис Акрит / пер., статьи и коммент. А.Я. Сыркина. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 220 с.

¹⁹ Анна Комнина. Алексиада / пер. Я.Н. Любарского. М.: Наука, 1965. 688 с.

И сын сполна оправдал надежды отца, обучившись вначале наукам (Диг. Акр. IV. 65—68) и искусству игры на кифаре (Диг. Акр. IV. 397—399), а затем увлекшись воинскими упражнениями: «Еще ребенком был Акрит, когда его родитель / Наставника для сына взял, чтоб обучался мальчик. / Три целых года Дигенис в науках упражнялся / И острым разумом своим усвоил много знаний. / Затем к езде он верховой, к охоте устремился / И упражнялся день за днем с отцом в искусствах этих» (Диг. Акр. IV. 66—71). Уже в 12 лет он отправился на свою первую охоту, где голыми руками убивал львов и медведей (Диг. Акр. IV. 110—189), а в 14 лет женился, похитив невесту у местного стратига и, спасая ее от разгневанного отца, в одиночку перебил десятки воинов (Диг. Акр. IV. 254—646). В соблазнении знатной девушки, которая, по воле родителей до этого не была даже показана ни одному из многочисленных женихов, Акриту пригодились и его сила, и умение играть на кифаре, и красиво петь (Диг. Акр. IV. 406, 425—435), и необычайная физическая красота: «И впрямь чудесным юноша сложеньем отличался, / С кудрями русыми он был и с черными бровями, / Как розовый цветок, лицо, глаза на нем большие, / И в сажень шириною грудь, подобная кристаллу» (Диг. Акр. IV. 196—199). Автор поэмы подчеркивает, что прежних героев античности (Ахилла, Гектора, Александра) следует позабыть, ибо в лице Дигениса Акрита ромейская земля обрела свой новый идеал (Диг. Акр. IV. 27—29). Для сравнения приведу описание внешности императора Романа II, данное Продолжателем Феофана и явно сделанное под влиянием вышеприведенного идеала: «Он был молод годами, крепок телом, с пшеничного цвета кожей, с красивыми глазами, длиннонос, розовощек, в речах приятен и сладостен, строен как кипарис, широк в плечах, спокоен и приветлив, так что все поражались и восхищались этим мужем» (Пр. Феоф. Роман II. 5).

Состязания, в которых участвует Акрит (и в отрочестве, и повзрослев), максимально приближены к реальному бою: и когда он состязается с разбойниками в искусстве владения дубинкой («Давайте, отроки, возьмем с собою по дубинке, / Оставим нашу трапезу, сойдемся на равнине, / Сражаться там дубинками начнем между собою, / Кто победит соперника — возьмет его дубинку» (Диг. Акр. IV. 1635—1638)), и когда принимает вызов от трех знаменитых воинов ромейского пограничья (Диг. Акр. VI. 175—295).

Нарисованный поэмой образ идеального героя резко контрастирует с распространенным в историографии иным идеалом ромея — хилого и физически неразвитого аскета. Например, В.Н. Лазарев в труде «История византийской живописи» утверждает: «Строгий аскет, обуздавший плоть и ведущий уединенную созерцательную жизнь, всегда оставался идеалом византийцев»²⁰. В качестве образцов ромейского аскетизма автор приводит образы нескольких императоров: Никифора Фоку (в эпоху которого создавался эпос о Дигенисе Акрите), Михаила IV, Алексея I и Мануила Комнина²¹, которого поэт XII в. Феодор Продром комплиментарно называл «новым Акритом»²².

На самом деле, большинство упомянутых выше императоров были людьми физически развитыми, любившими и спорт, и воинские упражнения. Об императоре-воине Никифоре Фоке (963—965 гг.), захватившим престол уже в зрелые годы, когда ему было около 50 лет, современник Лев Диакон писал: «Стан у него был округлый и плотный, грудь и плечи очень широкие, а мужеством и силой он напоминал прославленного Геракла» (Л. Диак. III. 8). Об Алексее I Комнине его дочь Анна восторженно писала: «Широкие плечи, крепкие руки, выпуклая грудь — весь его героический облик вселял в большинство людей восторг и изумление. В этом муже сочетались красота, изящество, достоинство и непревзойденное величие. Если же он вступал в беседу, то казалось, что его устами говорит пламенный оратор Демосфен» (Анна. III. 3). Сына и преемника Алексея императора Иоанна II подданные прозвали Калоиоанном (прекрасным Иоанном) (Н. Хон. Ист. I. Иоанн Комнин. 12).

Отличался мужественной красотой, сочетавшейся с храбростью и отвагой, и Мануил Комнин: «В возрасте нежного юноши он превосходил уже благоразумием людей, состарившихся в делах, был воинствен и смел, в опасностях неустрашим и мужествен, в битвах решителен и храбр. Юношеское лицо его отличалось приятностью, и улыбающийся взор заключал в себе много привлекательного», — пишет о нем Никита Хониат (Н. Хон. Ист. I. Мануил Комнин. I. 1).

²⁰ Лазарев В.Н. История византийской живописи. М.: Искусство, 1986. С. 16.

²¹ Там же. С. 16.

²² Rambaud A. Etudes sur l'histoire byzantine. Paris, 1912. P. 73.

Как видим, описания современников, данные византийским императорам-воинам, резко контрастируют с представлениями современного искусствоведа об аскетическом идеале византийца. Что же касается императора Михаила IV, то его чрезмерная набожность объяснялась в значительной степени тяжелыми недугами: мучившими его с детства приступами эпилепсии (Пс. Михаил IV. XVIII), а в конце жизни еще и водянкой (Пс. Михаил IV. L). И тем не менее он, даже на носилках, командовал войском и проявлял немалое мужество в борьбе с недугами (Пс. Михаил IV. XIX).

Конечно, описания, данные императорам их современниками, были комплиментарными. Но они воплощали тот идеал мужа — мудрого и воинственного — который оставался у византийцев неизменным на протяжении столетий. Довольно язвительную характеристику стремлению византийских императоров слиться образцами мудрости, силы и красоты дал в XIII в. (когда величие империи было уже в прошлом) историк Никита Хониат: «Для большей части римских царей решительно невыносимо только повелевать, ходить в золоте, пользоваться общественным достоинством как своим, раздавать его как и кому угодно и обращаться с людьми свободными как с рабами. Они считают для себя крайней обидой, если их не признают мудрецами, людьми, подобными богам по виду, героями по силе, богомудрыми подобно Соломону, богодухновенными руководителями, вернейшим правилом из правил» (Н. Хон. Ист. I. Мануил Комнин. VII.5).

Каким же образом представители верхушки византийского общества достигали столь желанного им физического совершенства?

ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА В СРЕДЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭЛИТЫ

Любимым видом физической подготовки и одновременно развлечения были для знати охота и конная игра в мяч. Анна Комнина удивлялась, что для ее отца эти занятия имели второстепенное значение даже в молодости (Анна. XIV. 7). Для остальных византийских императоров, царевичей, представителей военно-служилой и чиновничьей знати всё это было крайне важно, что отразилось не только в постоянном упоминании охоты в трудах византийских историков, но и в произведениях прикладного искусства. Например, на стенках ларца начала XI в. изображены сцены цар-

ской охоты предположительно Василия II, выполненные в персидской манере, что позволило искусствоведу В.П. Даркевич выдвинуть гипотезу об иранском происхождении самого сюжета²³. Охотой увлекался брат и соправитель Василия II Константин VIII: «любил он охоту, выносил зной, выдерживал холод, преодолевал жажду и особенно искусен был в схватках с дикими зверями; ради этого он обучился стрелять из лука, метать копье, ловко обнажать меч и поражать стрелой цель» (Пс. Константин VIII. 8).

Охота у византийцев была и псовой, и соколиной, и даже леопардовой (Диг. Акр. IV. 904—906). Но главное, что она была конной: охотник сидел на лошади, и в условиях пересеченной лесной местности (а большая часть территории империи в средневизантийский период была именно таковой), это требовало выработки навыков не просто быстрой, но и очень ловкой езды, способности резко маневрировать, уклоняться от веток и стволов деревьев. Выработке именно таких навыков способствовала заимствованная византийцами у персов игра в поло²⁴, которой императоры и их приближенные увлекались настолько сильно и самозабвенно, что многим это стоило здоровья, а кому-то и жизни.

Лучшее описание игры в поло и связанных с нею опасностей оставил нам Иоанн Киннам: «Когда прошла зима и рассеялись туманы, царь (Мануил Комнин — В.Х.) предался одному умному гимнастическому упражнению, издавна бывшему в обычае у царей и царских детей. Оно состоит вот в чем: несколько юношей, разделившись между собой поровну, берут сделанный из кожи шар величиной в яблоко и бросают его на какое-нибудь высокое место, которого высота была бы, разумеется, применима к их силам. К этому шару, как бы к награде, лежащей среди двух спорящих сторон, бегут они изо всех сил, перегоняя друг друга, и каждый держит в правой руке палочку длины посредственной, оканчивающуюся крутым широким крючком, которого середина перехватывается несколькими от времени высохшими струнами, сплетенными между собой наподобие сети. Этими палочками каждая сторона старается прежде другой угнать тот шар к своей цели, которая заранее бывает назначена, потому что чьей цели

²³ Даркевич В.П. Прикладное искусство // Культура Византии... С. 542—544.

²⁴ Schrödt B. Ibid. P. 52—53.

ускоряемый палочками шар достигнет, на той стороне остается и победа. Эта игра слишком отважна и опасна. Упражняющемуся в ней необходимо постоянно наклоняться и сгибаться, быстро делать круговые повороты на лошади, совершать все рода бега и производить столько различных движений, сколько случится сделать их шару. Так вот в чем состояла игра. Тогда как царь в этой игре делал страшные повороты, случилось, что под ним всем телом упала на землю лошадь. Лежа внизу под лошадь, он долго бился и напрягал силы, чтобы подняться, но, не могши оттолкнуть лошадь, которая, как я сказал, налегла на него всем телом, опасно повредил себе бедро и руку от нажавшегося седла. Впрочем, он столь мужественно переносил это, что, хотя смертельно страдал, однако, когда многие окружили его, проворно встал, снова вскочил на коня и некоторое время без труда скакал взад и вперед, пока не почувствовал еще сильнейшей боли и не слез в постель. Тут болезнь так одолела его, что от приключившегося с ним обморока он на следующий день не помнил ничего, что вчера говорилось или делалось» (Кинн. VI. 5).

Массовое увлечение знати игрой в поло (завезенной в Византию еще в V в. при Феодосии II²⁵) началось, видимо, во второй половине IX в., в правление Василия I, когда в Большом императорской дворце был построен специальный стадион для этой игры — Циканистерион (греч. «дворец поло», саму игру византийцы называли «циканион») (Пр. Феоф. Василий I. 86).

Игра в циканион на построенной Василием I площадке стоила жизни его сыну императору Александру: «Александр же, позавтракав и выпив вина в самый зной, пошел поиграть в мяч. Был, однако, поражен мечом Божиим и вернулся в крови, текшей из носа и детородного члена. И через два дня скончался» (Пр. Феоф. Александр. 7).

Внучатый племянник Александра Роман II предпочитал играть в поло Циканистерионе в полдень «с соперниками умелыми и опытными, которых нередко обыгрывал» (Пр. Феоф. Роман II. 5), т.е. усложнял себе и соперникам задачу, играя в жару.

Увлечение циканионом было достаточно массовым. Известно, что свой циканистерион был в Афинах, а при основании Тра-

пезундской империи в ее новой столице (перед оборонительными стенами) также была устроена площадка для игры в поло, увлечение которой стоило жизни ее второму императору Андронику II в 1235 г.²⁶

Однако, о соревнованиях по поло, которые собирали бы публику и были массовым зрелищем, источники не сообщают. Если кто-то из императоров увлекался зрелищной стороной спорта, он отдавал предпочтение ипподрому. Например, Константин VIII, соправитель Василия II, отстранившись от государственных дел, посвящал значительную часть своего времени организации и модернизации ипподрома. Михаил Пселл писал об этом с осуждением: «Особенно самозабвенно любил он зрелища и ристания, всерьез занимался ими, менял и по-разному сочетал коней в упряжи, думал о заездах, а также восстановил и ввел в театре (имеется в виду ипподром — В.Х.) давно забытые состязания босиком и не наблюдал за ними, как подобает царю, а сам вступал в борьбу с соперниками, требуя при этом, чтобы противники не поддавались ему, как императору, но упорно сопротивлялись и давали ему возможность одержать над ними еще более доблестную победу. Он также любил разглагольствовать о состязаниях и приравнивался к нравам простых горожан» (Пс. Константин VIII. 8).

Спортивные и воинские упражнения знатной молодежи призваны были подготовить из юноши хорошего полководца-стратига, идеальный образ которых описал в «Тактике» Лев VI, подчеркивавший, что на эту ответственную должность более всего подходит человек средних лет, «ведь такому, поскольку он еще не состарился, будут свойственны сила и крепость, а поскольку он уже не слишком молод — присущи благоразумие и основательность» (Leon. Tact. II. 10). «...стратигу... следует иметь хороший внешний облик, быть мужественным, трудолюбивым, обладать острым умом, быть благородным, усердным, неустрашимым, в высшей степени благочестивым и ревностным в осуществлении богоугодных дел» (Ibid. II. 26).

²⁶ Успенский Ф.И. Очерки истории Трапезундской империи. СПб.: 2003. С. 35—40.

²⁵ Schrodtt B. Ibid. P. 52.

ФИЗИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА СТРАТИОТОВ

Для занятых тяжелым физическим трудом простых византийцев аристократическая охота и циканион были, видимо, недоступны. Однако, империя нуждалась в сотнях тысяч хорошо подготовленных воинов, как пеших, так и, в первую, очередь конных. Поэтому, авторы полемологических трактатов IX—X вв. уделяют большое внимание физической подготовке как отдельных воинов, так и боевых подразделений.

Судя по всему, физическая подготовка мальчиков из стратиотских семей была пущена государством «на самотек», т.к. стратигу предписывается выбирать себе воинов, а не готовить мобилизационный резерв: «Выбирай из всего населения подвластной тебе фемы стратиотов не малолетних, но и не стариков²⁷, мужественных, сильных, здоровых, смелых, проворных, чтобы они... были бы способны выполнять воинские обязанности в полном объеме» (Leon. Tact. IV. 1). Воспитание вышеназванных качеств, таким образом, полностью ложилось на семью или стратиотскую общину. Намек на то, что физическим воспитанием мальчиков занимались их отцы, содержится в вышеприведенном пассаже о воспитании Дигениса Акриты.

Самый универсальный навык, который должны были приобрести юные византийские стратиоты — умение быстро и метко стрелять из лука. Поскольку византийцы использовали перенятый ими от гуннов составной лук с обратным изгибом, который будучи очень мощным и дальнобойным, требовал огромных физических усилий, чтобы его натянуть²⁸, упражнения с таким луком развивали не только меткость, но и формировали мускулатуру рук, плеч, груди и брюшного пресса. О массовости такой подготовки свидетельствует пассаж из трактата Анны Комниной: «Все они имели меткие и дальнometные луки — ведь все это были юноши, не уступавшие во владении луком гомеровскому Тевкру» (Анна. X. 9). Напомню, что упомянутый венценосной мемуаристкой Тевкр Теламонид, участник Троянской войны, считался лучшим ахейским лучником.

²⁷ Призывной возраст традиционно находился в пределах 14—40 лет (Strategicon. I. 2).

²⁸ Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. С. 44—47.

Для формирования и оттачивания навыков стрельбы из лука у каждого подданного империи Лев VI указывал: «Повелеваем тебе (стратигу. — В.Х.) приказать всем состоящим под твоим командованием и в кастровах (крепостях. — В.Х.), и в сельских регионах, и в городах, где расквартированы войска, и вообще всем остальным, чтобы по возможности у каждого человека был собственный лук. Имея в каждом доме не менее одного лука и 40 стрел, следует упражняться в их использовании и на закрытой, и на открытой местности, и в клисурах (горных проходах. — В.Х.), и в зарослях. Стратиоты будут использовать их на войне, а остальные — у себя на месте, если вдруг произойдет неожиданное нападение врагов на них» (Leon. Tact. XX. 81). При этом рекомендуется подбирать лук «по силе каждого, но не сверх того, а лучше даже более слабые» (Ibid. VI. 2). Однако, несмотря на вышеизложенные наставления, в войска попадали и те, кто стрелять из лука не умел: «Те новобранцы, которые еще не обучились стрелять из лука, должны иметь копьё с полными щитами» (Ibid. VI. 3). «Неопытным воинам следует давать более слабые луки. И если они не умеют стрелять, то со временем им необходимо научиться, поскольку в этом есть необходимость» (Ibid. VI. 6) ибо «повсеместное пренебрежение и падение интереса к искусству стрельбы из лука, проявляющиеся сегодня у ромеев, приносят им сегодня много неудач» (Ibid. VI. 5).

Спустя столетие, в конце X в., анонимный автор трактата «Об устройстве лагеря» сетовал, что прежняя система «доармейской» подготовки в империи разваливается: «То, что стратиоты остаются дома и бездействуют, не тренируются и не выступают в поход в положенное время, низводит их в разряд торговцев и обыкновенных земледельцев. Продавая боевое снаряжение и лучших лошадей, они покупают быков и все остальное, что необходимо для возделывания земли... праздность и отсутствие тренировки превращают их в людей, полностью лишенных мужества и слабых, тогда как занятие такими тренировками делает их отважными и придаст много новых сил» (De Castr. XXVIII). Лишь стратиоты, живущие на границе, по мнению автора трактата, еще сохраняют прежнюю мобилизационную готовность, «ведь постоянные и непрерывные нападения врагов формируют в них дополнительные силы и благородство» (Ibid. XVIII).

Учитывая, что стратиги, в основном, имели дело с недоста-

точно подготовленным воинским контингентом (особенно во внутренних регионах империи), им предписывалось и в мирное время, в во время передышек в ходе боевых действий «упражнять войско, поддерживать стратиотов в состоянии боеготовности, вырабатывать у них привычку к совместным действиям и не позволять им оставаться в праздности и беззаботности» (Leon. Tact. VII. 2).

Индивидуальные тренировки проводились в зависимости от рода войск. Тяжеловооруженных пехотинцев тренировали в единоборствах с использованием щитов и палок, метании дротиков, как обычных, так и со свинцовым утяжелением (Ibid. VII. 3—4). Легкую пехоту тренировали в ходьбе и беге, в том числе по пересеченной местности, кавалеристов — быстро вскакивать на лошадь (Ibid. VII. 4—9). Стрелять из лука на скорость и меткость по тонкой вертикальной мишени (копью) учили всех. Причем, кавалеристы должны были научиться метко стрелять на скаку вперед, в стороны и назад. При этом отрабатывались приемы по доставанию, убиранию и смене оружия (Ibid. VII. 3—9). Затем то же проделывалось в составе все более крупных подразделений (Ibid. VII. 14—17). Наконец, добившись боевого слаживания подразделений, стратиг должен устраивать между ними «сражения» с использованием несмертельного учебного оружия (Ibid. VII. 18), все более усложняя задачу: «Показав крутые холмы, прикажи бегом подниматься на них и спускаться, и когда одни из стратиотов поднимутся на эти холмы, прикажи другим напасть на них» (Ibid. VII. 19).

Все эти упражнения призваны не только выполнить утилитарную задачу — обучить воинов боевым действиям в различных условиях, но и повысить их боевой дух и улучшить самочувствие: «Похвали тех, кто стойко держался и проявил мужество в тренировке, а тех, кто проявил неопытность и трусость — противопоставь им и побуди исправить собственные упущения. Такое обучение и такая тренировка не только приучают войско к трудам, но и оздоравливают, и любая еда и любое питье, даже если они просты, потребляются с удовольствием и предпочитают всяким изысканным яствам. Тело от этого становится крепким, подготовленным к предстоящим трудам и тяготам, приученным к жаре и зною, натренированным в условиях холода и зимы» (Ibid. VII. 20—21).

Особенности тренировки конных воинов дают понять, какие навыки отработывала византийская знать, самозабвенно и рискуя собственной жизнью охотясь и играя в поло: «приучать лошадей к скачкам не только на ровной местности, но и на местности возвышенной, заросшей деревьями и дикой, поднимаясь на нее на скаку и спускаясь с нее. Ведь если не приучить их к этому, то ни люди, ни лошади не освоятся на той местности, которая окажется необычной и неудобной... те воины, который будут щадить своих лошадей, уклоняясь от тренировки, сами себя накажут» (Ibid. VII. 24, 27). Трактат Льва VI позволяет объяснить стремление Романа II играть в поло в полдень: внук автора «Тактики» выполнял таким образом одно из наставлений своего деда: «... проводить тренировки в знойное время и приучать стратиотов к нему. Никто ведь не знает, где случится сражение и каким образом оно будет проходить» (Ibid. VII. 50).

Стратиг готовящегося к осаде врагами города, согласно трактату «Как выдерживать осаду», должен натренировать своих воинов специфическим действиям, необходимым при активной обороне крепости: «... необходимо натренировать каждого на выполнение любой задачи — быстрой стрельбы из лука в римской или персидской манере (чтобы если стрелять нужно быстро, стрела посылалась с силой, необходимой и достаточной для кавалерии); и стрельбы на точность; и метания так называемых риктарий (метательных копий — В.Х.); и ручного метания камней во врага; и искусному применению как пращей, так и стрелометов; и защиты себя щитом или расчетливой защиты себя и кого-нибудь еще» (De Obsid. 63—67).

Таким образом, физическое воспитание в Византии было неразрывно связано с военным делом и почти утратило связь с соревновательной стороной спорта. Константинопольский ипподром был практически единственным местом в империи средневизантийского периода, где спорт развивался именно как соревновательное зрелище. И несмотря на то, что дух агона, присутствующий греко-римской культуре, в византийцах не угас, он утратил организованное начало, т.к. потерял связь с сакральной составляющей. Утратив «святость», спорт потерял и свою массовость, и регулярность, и зрелищность. Физическое воспитание юношества стало семейным делом, а большинство состязаний в империи имели характер воинских тренировок.

Как справедливо заметила Б. Шродт, церкви не удалось уничтожить ипподром и цирковые партии, ибо они оказались тесно вплетены в институт императорской власти²⁹, но в остальной империи дух античного агона оказался утрачен. Однако это вовсе не означает, что римляне не уделяли внимания своему физическому развитию. Наоборот, идеалом для византийца оставались античные герои, воплощавшие в себе принципы калокагатии. И они всячески стремились походить на них: и красотой лица, и телесной мощью, и образованностью, и умом. Конечно, в меру сил, способностей и достатка. Унаследованная от эллинов любовь к красоте силы органично соединилась в римлянах с унаследованным от римлян почтением к воинской дисциплине и порядку. Это и позволяло им побеждать врагов в многочисленных сражениях и даже без них. Наиболее показательной эпохой в этом плане представляется эра «македонского ренессанса» IX—X вв. с его возрождением любви и интереса к античной культуре, в том числе и физической.

Н.Ю. ХАРИТОНОВА

**СПОРТ И ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ДЕСЯТЫХ-ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ XX ВЕКА:
МЕЖДУ МОДЕРНИЗМОМ И АВАНГАРДОМ**

Испания первых десятилетий двадцатого века, вслед за другими странами, открывает для себя вкус к спорту, культу тела, техническим новшествам, скорости. И хотя границы между художественными движениями этого периода весьма неопределённые, к теме спорта обращаются представители самых разных течений. При всём огромном значении спорта в культуре авангарда утверждать, что эта тема является исключительной прерогативой авангардной литературы было бы преувеличением. Спорт в литературе этого периода — знак времени и знак новой культуры, поэтому особенно интересно взглянуть на то, как по-разному интерпретируется он испанскими литераторами и философами, и в какие взаимодействия он вступает со словесной материей, способный протестически принять самые разнообразные формы: это и лозунг, и тема, и сюжет, и мотив, и метафора. Обращение к теме спорта также позволяет проследить, как меняется испанская культура и общество десятих-двадцатых годов, и, одновременно, заметить, что линия водораздела между модернистским и авангардным сознанием далеко не всегда однозначна и определённа.

Гильермо Диас Плаха отмечал, что отличительной и новой чертой испанской культуры первых десятилетий двадцатого века является любовь к спорту, которым занимаются все, «начиная с короля»¹. Увлечение спортом в Испании, конечно, представляет собой веяние западной культуры. Любопытным примером посредничества служит появление в Испании британского богемного литератора и спортсмена Артура Кравана, племянника Оскара

²⁹ Schrodт B. Ibid. P. 46.

¹ *Díaz Plaja, Guillermo. Estructura y sentido del novecientos español. Madrid, Alianza, 1975. С. 186.*